

АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ—ИСТОРИЯ И СУДЬБА

Юрий ВИЗБОР

СВОЙ ГОЛОС

Юрий Визбор (1934—1984). Это имя хорошо известно в нашей стране. Журналист Юрий Визбор: один из основателей радиостанции «Юность», редактор звукового журнала «Кругозор». Режиссер и сценарист Юрий Визбор: около сорока документальных кинолент снято по его сценарию или с его режиссурой. Киноактер Юрий Визбор: его имя — в

титрах фильмов «Июльский дождь», «Возмездие», «Красная палатка», «Рудольфо», «Семнадцать мгновений весны», «Миг удачи», «Дневник директора школы». Прозаик и поэт Юрий Визбор. Альпинист и летчик... А его песни под гитару звучат на любом слете авторской песни — ведь он был одним из родоначальников этого жанра. Теперь вышли пла-

стинки с его песнями, новая книга прозы и стихов... Сегодня, продолжая в постоянной рубрике еженедельника разговор об авторской песне, предлагаем вниманию читателей «Литературной России» запись (в сокращении) одного из последних выступлений Юрия Визбора в творческой мастерской, которую ведет Дмитрий Сухарев в Московском клубе самодельной песни.

Я НИКОИМ образом не теоретик. И никакими теоретическими изысканиями не занимался. Я считаю, что мысль хороша тогда, когда она является сама, и нет ничего печальнее навязывания чужих мыслей. И еще один момент — общий и банальный: нет таких мыслей и слов, которые сделали бы из непрофессионала — профессионала, из плохого поэта — хорошего или из хорошего — отличного. Это мое глубокое убеждение. И поэтому каких-то тайн или откровений не ждите от меня, потому что я просто хочу поделиться достаточно практически, во многом дилетантскими мыслями относительно того, что мы называем нашей песней или самодельной песней и т. д.

Песня — очень маленький плацдарм. Чрезвычайно маленький. Даже длинная песня очень мала. Средняя песня звучит две с половиной минуты. Это крайне маленькая площадь — однокомнатная с совмещенным санузлом. Поэтому населять ее густо мы не можем. То есть мы можем о многом сказать. Но как жанр она диктует нам в эту квартиру поселить одного-двух человек, для того чтобы их рассмотреть, чтобы была возможность с ними познакомиться. Я говорю не о числе, а о моменте подробного рассмотрения души, рассмотрения ситуации. Ситуация должна быть в определенном понятии едина. Есть фильмы, которые проверяются очень нехитрым образом. В документальном кино есть самый простейший тест — если можно рассказать, то это достаточно хорошая картина. Если можно рассказать, значит, у нее есть начало и конец, она конструктивно построена, значит, в ней что-то произошло, мы смогли рассмотреть либо человека, либо какое-то явление жизни. Отчасти это относится и к песне. Я говорю не о персонажах — в песне их может быть очень много, а об интонации, о состоянии души, о той внутренней нити, которая в песне находится — она должна быть одна, а всего остального может быть много.

Во что я верю? Я верю в не очень сложное высказывание Тургенева о том, что талант — это подробность. Я сейчас работал над произведением Теофиля Готье «Капитан Фракасс». Он очень подробно описывает каждую пуговицу на камзоле, заплатку, локти. Имеется в виду не такая подробность, а та, что нечто решает или создает интонацию, состояние души поющего и слушающего. Подробность, на которую опирается вся песня.

Посмотрите, как развивается замечательная песня Городничкого «Кожаные куртки». Она развивается очень гладко. В псевдоромантическом духе. Но «лысье романтики» — вот она, подробность. Она совершенно не вписывается в этот псевдогероический круг. Она еще в прав-

дива, потому что люди, летающие на Севере, носят бесконечно шапки, и шапки эти — знаю, потому что носил их немало лет, — вытирают головы. И молодые люди — они лысье. Много лысье! Вы об этом знать не можете, но слова «лысье романтики, воздушные бродяги» дают вам некоторое новое качество, представление о правдивости происходящего. И поэтому слова «девочки-невесты», которые ходят еще школьницами, в нас рождают замечательное чувство, что жизнь еще не прошла... Вот она, подробность, как скрытое лицо песни.

...Мне кажется, когда мы сочиняем, занимаемся вообще творчеством, перед нами так или иначе, в той или иной степени всегда встает вопрос нашей позиции. Нашей позиции в самом широком смысле этого слова. Мы можем ставить вопрос о гражданской позиции, хотя я хочу отметить, что слова «гражданская позиция» очень часто носят, так сказать, смысл вульгарной социологии. Гражданская позиция — это понятие гораздо шире. Я лично придерживаюсь из двух позиций — адвоката и прокурора — позиции адвоката, позиции защиты. Позиции человека, которому нужно утешить, ободрить, обнадежить. Мне кажется, что это и есть одна из великих целей. Несмотря на то, что в начале творчества это кажется слишком общим моментом, но рано или поздно вы поймете, что вам нужно определить. Не перед кем-нибудь, не перед какими-нибудь организациями и даже не перед друзьями — только перед самим собой. Вот это важнейшее определение в конце концов самым решительным и невероятным образом будет влиять на ваше творчество.

Существует мнение о разделении личности художника. Когда в быту и в жизни, в социальном окружении художник может быть невыносимым эгоистом, а как только он приступает к творчеству, тут из него... Знаете, я в это не верю. Хотя художники все в общем-то люди сумасшедшие и имеют большее количество странностей, но в общем и целом их несостоятельность и слабость — все это выпадает в творчестве. И творчество является единственным скопом души человеческой и самым главным.

Однажды с Городничким на Грушинском фестивале мы имели большую ночную беседу по поводу инфантилизма самодельной песни. Дело в том, что за день приходится прослушать двести песен, а когда они начинают все идти разом... Колоссальное количество песен написано слабой мужской рукой, слабым мужчиной, переживающим, очень любящим, но в основном пейзаж один и тот же — дождь, ты ушла, какие-то недостатки в жизни и такая безвыходность молодой тоски, которая всегда несовершенна, потому что в ней нет настоящей тоски — старой, зрелой.

Этот поток песен инфантильных, причем сочиненных во всяких разных краях

нашей страны, — он поражает абсолютно. И мы с Сашей пришли в неопишную ярость от этого и рассуждали таким образом: «Боже мой, куда же все подевалось?» Мы думали, что все-таки то поколение, к которому мы принадлежим, оно ведь вышло из двора. Во дворах московских бытовало гигантское количество песен, которых мы сначала стыдились, а теперь вспоминали с Сашей все слова — «На кораблях матросы ходят хмуро...». Это такая дворовая «понтыра», просто чудо! Оттого, что в тех условиях нужно было выживать, существовать, и появились песни, в которых виден мужчина. Он может оценить события, постоять за себя или за даму.

Я призываю к мужскому началу в песне — к тому, что было у Высоцкого, есть у Городничкого. Потому что инфантилизм и вялая позиция очень привлекательна. Тем, что она легка — это довольно проторенная дорога, где можно вложить массу замечательных образов, метафор, и чем глубже вы будете погружаться в это метафоричное болото, тем будет все хуже и хуже. Это мое личное мнение.

Теперь маленький вопрос — но он существует. Это вопрос успеха. Как относиться к аплодисментам или к одобрениям. Вопрос переживания мелких или крупных успехов. Я не хочу называть имена, но все-таки в бардовском движении был ряд людей, которые не смогли устоять перед кулачными ударами успехов. Не смогли. Они скатились в лучшем случае — к водке, а в худшем случае — проигрывали той самой достаточно банальной пластинке, с которой был начат успех. Потому что успех как материальное отражение творчества все время должен допингироваться новизной, поиском, творчеством. И даже если оно заведет вас в неизвестные дебри, туда, где, кажется, ничего не выскребешь, это бесполезные походы, как и бесполезны моменты отчаяния в творчестве.

Когда вы начинаете писать песню, у вас сложившаяся конструкция, вы знаете, к чему должны прийти, и вдруг появляется момент, который вас начинает тянуть в совершенно другую сторону, куда вы и не смотрели... Я думаю, нужно туда идти. Туда, где темно. И это замечательно. Так же и с отношением к успеху. Вас всегда должна преследовать мысль — я сейчас говорю, как «дедушка русской авиации», — что успех, который вы сегодня имеете, — он вчерашний. Это успех вчерашнего дня. Сегодня ничего не сделано и не приобретено. Нужно не застыть, не оставаться в тех формах и на тех горизонтах, на которых вы только что побывали.

Самодельная песня отличается от профессиональной тем, что она — песня в свитере или в ковбойке. И ей претят блестящие лацканы пиджака. Особенно отвратительно, когда развелась масса песен о БАМе и когда выходили молодые люди из вокально-инструментальных ансамблей в каких-то немислимых фиолето-

вых пиджаках, снабженных какими-то блестящими, и расставив широко ноги, начинали петь про БАМ — как они там якобы куют что-то такое и ветры свистят — ну, это кошмар, это дикая пошлятина! Выходя на сцену, вы должны уважать зрителя. Вы должны одеваться пристойно, аккуратно.

Есть законы приспособляемости певца к залу и зала к певцу или актеру, и я могу вас уверить, что если вы даёте сольный концерт, то первые три песни проскакивают мимо. И отдавайте их на съедение сразу. Это то мясо, в результате которого вы должны наладить общение друг с другом. Если в вашей одежде есть какая-нибудь вызывающая деталь — например, красный бант, то зал будет весь концерт смотреть на этот красный бант и больше ни о чем не думать. Образ свой вы должны, как актеры, создавать.

И последнее, как мне кажется... Искусство призвано удивлять человека, если выражаться языком для пешеходов, несложным. И через удивление достигать своих, других целей. Сказать человеку: «Будь героем!» — это все равно что ничего не сказать. Но спеть песню, в которой был бы элемент удивления, того, что может человека зацепить необычно, — вот это и есть номер, которым стоит заниматься. Другое дело, что существует поэзия и вид песен, который удивителен сам по себе. Вот Булат Окуджава не пользуется какими-то резкими моментами. Его поэзия чрезвычайно пряма, иногда до банальности пряма. Он пользуется очень маленьким образом, но это образ абсолютно точный. Это поэтическая «десятка».

Из песен, написанных мной — а я написал около трехсот песен — пою на концертах очень мало, — пятьдесят песен, которые в сценическом ореоле. Песня, которая поется с эстрады, должна иметь очень трудно определяемое эстрадное качество. Она должна более коротким путем, чем другие, идти к человеку, к зрителю. У меня есть песни, которые я очень люблю и считаю вершинами своего творчества, однако их в жизни не пою на концертах! Потому что, во-первых, это исполнение мне безумно трудно — я человек эмоциональный, и иногда у меня слезыворачиваются на сцене, когда я пою. Правда. И когда выносите любимое дитя во двор и говорят: «А, хорошая девочка...» — и уходят, я безумно расстраиваюсь.

Самое главное, что есть в песне, — это интонация, свой голос. И его нужно сбалансированно возвращать в себе, поливать, удобрять и отстаивать. И те безумные муки, когда ты бесконечно упрекаешь себя в бездарности — в них, в этой бесконечной борьбе с собой и происходит творчество.

Публикацию подготовила Н. ТРОПОЛЬСКАЯ